

Алексей Будищев

Однодум

Алексей Будищев

Однодум

«Public Domain»

1901

Будищев А. Н.

Однодум / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1901

«На левом берегу реки Стылой, против того места, где раскинута усадьба купца Одинцова, как-то летним вечером слонялся взад и вперед молодой татарин странного вида. Странного, впрочем, в его наружности, пожалуй, ничего не было, татарин был как татарин. И шляпа на нем была войлочная, татарская, и рубаха татарская, с широкими рукавами, и безрукавка казинетовая, татарская, с малиновыми многоугольными пуговицами. И только одно обстоятельство бросало на него подозрение. Дело в том, что когда он, задумав, искупаться, расстегнул отложной ворот своей рубахи, на его смуглой шее сверкнул большой золотой крест на золотой цепочке, и сверкнул так ярко, что этот блеск как будто озадачил и самого татарина. Внезапно в его карих глазах метнулось выражение испуга и тревоги. Он боязливо оглянулся по сторонам, – не заметил ли кто креста на его шее, а затем присел на корточки, снял крест, обмотал его цепочкой и спрятал в потертый кошелек, который он старательно засунул за голенищу порыжелого татарского сапога с мягкой подошвой...»

© Будищев А. Н., 1901

© Public Domain, 1901

Алексей Будищев

Однодум

На левом берегу реки Стылой, против того места, где раскинута усадьба купца Одинцова, как-то летним вечером слонялся взад и вперед молодой татарин странного вида. Странного, впрочем, в его наружности, пожалуй, ничего не было, татарин был как татарин. И шляпа на нем была войлочная, татарская, и рубаша татарская, с широкими рукавами, и безрукавка казинетовая, татарская, с малиновыми многоугольными пуговицами. И только одно обстоятельство бросало на него подозрение. Дело в том, что когда он, задумав, искупаться, расстегнул отложной ворот своей рубашки, на его смуглой шее сверкнул большой золотой крест на золотой цепочке, и сверкнул так ярко, что этот блеск как будто озадачил и самого татарина. Внезапно в его карих глазах метнулось выражение испуга и тревоги. Он боязливо оглянулся по сторонам, – не заметил ли кто креста на его шее, а затем присел на корточки, снял крест, обмотал его цепочкой и спрятал в потертый кошелек, который он старательно засунул за голенищу порыжелого татарского сапога с мягкой подошвой.

После этого он несколько успокоился и снова с равнодушным видом стал похаживать вдоль берега. Однако даже ненаблюдательный глаз мог подметить в этом равнодушии притворство. Было очевидно, что татарин желает проникнуть в усадьбу купца Одинцова, на ту сторону реки Стылой, и проникнуть незаметно, потайным образом, воровски. Он мог бы давно перебраться туда, если б не это желание быть незамеченным. Он мог бы перейти реку через плотину, пониже усадьбы, сделав всего одну версту пути, но на плотине были люди, и татарин туда не спешил. С беспечным видом он все похаживал по берегу, поглядывая на усадьбу и монотонно насвистывая какую-то песенку. И песенка эта была совсем не татарская. Впрочем, песенка эта быстро исчезала с его губ и все лицо татарина делалось строгим, серьезным, вдумчивым. Видимо его охватывала мысль неотвязная и мучительная, ради которой ухлопана вся его татарская жизнь. И тогда в карих глазах загоралось почти вдохновение, а его смуглое лицо все освещалось и делалось привлекательным. Но это продолжалось тоже не более мгновения. Татарин встряхивал головой, как бы желая очнуться, и снова напускал на себя равнодушие. Так шли часы, а татарин все ходил и ходил по берегу, точно кого-то поджидая.

Между тем, в поймах все шло своим чередом. Стоявшее над горизонтом солнце освещало поймы ровным и спокойным блеском, и поймы улыбались довольной улыбкой уравновешенных людей. Однако, солнцу скоро надоела эта приторная улыбка; внезапно оно окунулось в лиловую тучу, туча также внезапно вся вспыхнула оранжевым светом, затем точно налилась кровью и, наконец, засверкала над зелеными поймами широко развернутым малиновым веером. Поймы дрогнули; по земле и небу пробежал трепет восторга. Даже две сизые тучки, стоявшие на противоположной стороне горизонта, хмурые и унылые, внезапно зарумянились, как две счастливые девушки, и стали медленно опускаться книзу. Казалось, они дождались того, чего им было надо, и, счастливые, уходили восвояси. И в ту же минуту лицо татарина тоже все осветилось восторгом. Поспешно он двинулся к берегу; он даже едва не вскрикнул. Из ворот усадьбы, куда был устремлен взор татарина, вышла молодая девушка, и это ее внезапное появление повергло татарина в восторг. Тотчас же за воротами девушка остановилась. Заря, сиявшая на закате малиновым веером, обдала ее всю, с головы до ног, розовой волной, осветила ее несколько полную фигуру, русые кудри подвитых волос и щегольской костюм из ярко-шелковой сарпинки. Девушка даже зажмурилась под этой веселой волной вечернего света, с минуту простояла как бы в колебании, а затем лениво двинулась к речке. На берегу она опустилась под вербы и задумалась; по ее лицу скользнуло выражение скуки. Казалось она или не видела татарина, или же не придавала его особе решительно никакого значения. А, между тем, все лицо татарина как будто дрожало и светилось радостью. Торопливо он скрылся в камышах, откуда через

минуту он уже выплыл на лодке. Видимо, ему было необходимо повидать девушку; однако он причалил не к тому месту, где сидела она, а сделал крюк и снова скрылся вместе с лодкой в камышах противоположного берега. Куда-то припрятав лодку и выйдя затем на берег, он пошел к девушке и почтительно остановился в нескольких саженях от нее. Девушка и тут не подняла на него глаз. Он принужден был кашлянуть. Тогда девушка увидела его. Вероятно она приняла его за скупщика шерсти, шкур и вообще такого товара, какой преимущественно скупают татары. И она лениво проговорила:

– Если ты покупаешь шерсть...

Девушка внезапно осеклась. Татарин стоял перед ней, широко, как бы для объятий, раскрыв руки, а по его лицу бегало выражение радости, любви, восторга. Девушка вскрикнула, побледнела и, простирая руки, бросилась к татарину. Она обхватила его смуглую шею белой рукой, прижалась к его груди лицом и с внезапными слезами заговорила:

– Братец... Максимушка... голубь мой! Откуда ты это?

Она не выдержала и разрыдалась, вся прижимаясь к татарской безрукавке брата.

Максим Одинцов, обнял сестру.

– Ну, будет, будет, шепнул он ей успокоительно и погладил ее русые волосы.

Сестра все плакала, поднимая к нему глаза и разглядывая его лицо. На вид ему было за тридцать, несмотря на его короткие усы и бритый подбородок. На его лбу и на висках, у глаз, уже легли мелкой сеткой морщины. Наконец девушка несколько успокоилась. И тогда брат усадил ее тут же на берегу, под вербой, с тем расчетом, чтобы ее не было видно из усадьбы, а сам опустился у ее ног. Некоторое время они оба не могли говорить от волнения и только глядели друг на друга радостными глазами. Глаза девушки, впрочем, кроме радости, выражали смущение. Вид брата точно и радовал-то ее, и пугал. Брат, наконец, заговорил:

– Ты спрашиваешь, откуда? Из Иркутской, конечно, – сказал он печально, – по новой дорожке придрал с татарским документом и в татарском облачении, как видишь.

Он чуть-чуть усмехнулся и добавил:

– Батюшку мне повидать бы очень нужно. По своему делу. Безотлагательно. Устроишь ты мне это? – спросил он сестру.

Девушка кивнула было головой, но затем всплеснула руками.

Ох, трудно будет это устроить! Батюшка и слышать о нем не хочет. Пожалуй, еще прикажет рабочим выгнать его со двора метлами или сам представит его становому.

Максим Одинцов вздохнул. Его вид точно говорил: «ну, что же, если я не добыюсь от батюшки резона, так мне и смерть за сахар сойдет!»

Вполголоса они повели беседу. Сестра с мягким выражением серых глаз упрекала брата, ласково прикасаясь белыми руками то к его коленам, то к плечу, то к малиновым пуговицам татарской безрукавки. А он уныло сидел против нее в своем татарском костюме и безропотно слушал. Сестра говорила. Зачем он так неудачно устроил свою жизнь и доставил им столько огорчений? Зачем он три года тому назад совершил этот ужасный поджог? Чтобы получить страховую премию? Правда, его дела в то время были сильно запутаны, но все же лучше было бы перетерпеть временную нужду, чем рисковать своей судьбой. Вот его и упрятали в Иркутскую на поселение. Боже, сколько он вынес срама, позора, горя! Голос девушки дрогнул. Внезапно она замолчала и, закрыв лицо руками, стала раскачивать станом, с видом человека, пытающегося заглушить зубную боль. А брат сидел против нее слегка побледневший и молчал. Только ветер играл широкими рукавами его татарской рубахи.

– А как же мне было иначе? – наконец сказал он, – как же я город свой увижу? «Город справедливости?»

Девушка снова всплеснула руками; по ее лицу легкой судорогой пробежал гнев.

«Город справедливости!» Посмотрел бы он, что сделал этот ужасный город с его женой. Варюшу узнать нельзя. Куда девалось ее веселье? Она ходит какой-то безвольной куклой.

Да и она сама, когда увидела там, у ворот тюрьмы, как солдат толкнул его прикладом, – ах, она прокляла этот город.

И девушка внезапно разрыдалась, припав к коленям брата. Он снова успокоительно зашептал:

– Ну, будет, ну, будет. И это ты напрасно. Солдат, на то он и солдат, чтобы толкаться.

Он стал гладить рукой русые волосы сестры, и эта ласка снова успокоила ее. Она заговорила снова о жизни в усадьбе. Их отец все такой же. Крутой, жестокий; думает только о деньгах, одевается по-модному, англичанином и курит дорогие сигары. Каждое воскресенье играет в преферанс с теткой Прасковьей Никитишной и, если выигрывает, требует немедленной уплаты, а проигрывает – ругается и стучит костылем. И, рассказывая всё это, девушка невольно улыбалась.

Долго они беседовали так вполголоса, с участием заглядывая в глаза друг друга, то безотчетно радостные, то печальные и серьезные. На берегу уже темнело; вместо малинового веера узенькая желтая полоска светила над поймами, а они все уныло переговаривались у притихшей речки в синем сумраке летнего вечера. И в тон их беседы печально переговаривались о чем-то приречные вербы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.